
В. В. Пименов

**О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ
В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

Проблемы развития народной культуры охватывают весьма широкий круг вопросов, которые в конкретном виде ставятся и решаются многими специальными науками — этнографией, литературоведением, фольклористикой, искусствоведением, археологией, историей культуры и другими. Успехи этих наук за пятьдесят лет Советской власти несомненны, накопленные ими материалы огромны, а результаты исследований весьма внушительны. Интенсивность развития этих наук выражается также в заметном усилении внимания исследователей к разработке теоретико-методологических аспектов в названных областях знания². Больше того, интерес к теории все чаще не замыкается лишь в рамках «своей» науки, а приводит к постановке и обсуждению ряда общих проблем.

Многогранный интерес к исследованию закономерностей эволюции народной культуры станет вполне понятен и выступит рельефнее, если принять во внимание тот несомненный факт, что в течение текущего столетия, а особенно за последние десятилетия, мы воочию можем наблюдать процесс резкого возрастания объема, расширения сферы, а также подъема уровня культуры во всем мире, но прежде всего за счет необычайной быстроты качественного и количественного роста культуры в социалистических государствах и развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем работа в области теории (а не только истории) культуры теперь определяется не одними лишь собственными задачами и нуждами культуроведческих наук, но и мощным влиянием смежных наук, среди которых важнейшая роль по справедливости должна быть отведена советской марксистско-ленинской социологии, вступившей за последние десять лет в полосу, с одной стороны, активного проведения эмпирических исследований, а с другой стороны, успешно разрабатывающей ряд важных теоретико-методологических положений. Мы, в частности, имеем в виду выдвинутую нашими социологами концепцию «теории среднего ранга» или «среднего уровня» (в марксистско-ленинской социологии, как известно, данная концепция коренным образом отличается от того, что охватывается этим понятием в буржуазной эмпирической социологии)³, с появлением которой становится возможным яснее наметить перспективы теоретической работы в области развития культуры и строже определить ее границы. Но и опираясь на уже теперь выполнен-

¹ В данной статье рассматривается тот слой культуры, который иногда называют «нижним» (это слово употребляется в значении «лежащий в основе», «фундаментальный»); он является одним из основных объектов изучения этнографии.

² См., напр., сб. «Вопросы методологии литературоведения», М.—Л., 1966.

³ Г. М. Андреева, Методологическая роль теории на разных этапах социального исследования, «Вопросы философии», 1964, № 7, стр. 22—24.

ные исследования и накопленные данные⁴, можно сделать некоторые заключения, приближающие нас к формулировке ряда законов и теорий, относящихся к сфере культуры и быта народов.

Определяя возможные подходы к изучению этих законов и теории следует прежде всего учесть, что культура, как явление одновременное историческое и географическое, должна исследоваться в двух аспектах — диахроническом и синхроническом, историческом и территориальном.

* * *

Нам думается, что уже теперь, вероятно, могут быть описаны существенные стороны закона традиции (преемственности) и модернизации (обновления) народной культуры с учетом не только количественных но и качественных сторон ее развития и изменения. В решении этого вопроса мы можем опереться на определенный опыт, накопленный этнографией, историей культуры и искусства и социологией. Как известно, мысль об исторической преемственности в процессе прогрессивного развития культуры возникла в новое время. В достаточно отчетливом виде ее формулировал И. Г. Гердер⁵. Та же мысль, равно как и другая чрезвычайно важная идея — о том, что создателем и носителем культурных ценностей является народ, широкие трудящиеся массы, — постепенно прокладывала себе дорогу в трудах прогрессивных историков, этнографов и искусствоведов. Однако на подлинно научную историко-материалистическую основу проблема преемственности и обновления культуры могла быть поставлена только благодаря трудам основоположников марксизма-ленинизма.

Особенно важны в этой связи мысли В. И. Ленина, высказанные им в известных работах дореволюционного периода о развитии русской культуры и по национальному вопросу, а также в его статьях, речах и заметках (1918—1923 гг.) о культурной революции, культурном наследстве и Пролеткульте⁶. В нашей философской, социологической и этнографической литературе эти мысли давно и оживленно комментируются⁷. В литературоведении постановка этой проблемы приобретает вид соотношения традиции и новаторства в творчестве писателей, а в фольклористике — освещения роли традиции и индивидуального вклада носителей фольклора в развитие устного поэтического творчества⁸.

Как видим, это проблема очень широкая и имеющая первостепенное теоретико-методологическое значение для всей исторической науки, в особенности для ее культуроведческих разделов. Историческую преемственность в развитии культуры справедливо считают «одной из важней-

⁴ Автор, будучи этнографом, естественно, в первую очередь основывается на этнографическом материале.

⁵ А. В. Гулыга, Проблемы культуры в философии Гердера, «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3, стр. 135 и сл.

⁶ Сб. «Ленин о культуре и искусстве», М., 1956.

⁷ См., напр.: Г. Г. Карпов, О советской культуре и культурной революции в СССР, М., 1954; «Коммунизм и культура. Закономерности формирования и развития новой культуры», М., 1966; И. С. Смирнов, Ленин и советская культура, М., 1960 (Приведена подробная библиография); С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1; Л. П. Потапов, Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу, «Сов. этнография», 1960, № 2.

⁸ Из новейших трудов по этому вопросу см.: В. Е. Гусев, О коллективности в фольклоре, «Русский фольклор (Специфика фольклорных жанров)», X, М.—Л., 1966. Приведена весьма полная библиография.

ших черт... объективной закономерности общественного развития»⁹. Этот вывод основывается на указании Маркса, писавшего: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему предшествующими поколениями»¹⁰. Ф. Энгельс назвал традицию силой инерции в истории¹¹. Понять «механизм» этой закономерности можно, по-видимому, лишь исходя из того известного марксистского положения, что человеческому обществу присуща способность производить несколько больше того, что оно потребляет, и таким способом накапливать результаты прежнего труда. Всякий последующий труд неизбежно связан с использованием предыдущего, материализованного в вещах или удержанного в мыслях, то есть в достижениях культуры. Таким образом, в моменте преемственности, удержания и освоения прежде выработанных культурных ценностей следует видеть одну из важных сторон названного закона.

Факт преемственности в развитии культуры подтверждается всей совокупностью имеющихся научных данных, в частности данными этнографии. Так называемый собственно этнографический материал (то есть факты, полученные путем непосредственного прямого наблюдения) обладает, как известно всякому этнографу, одной любопытнейшей особенностью: он неоднозначен, неоднопланов, он, так сказать, многослоен. Действительно, он дает нам, с одной стороны, сведения для суждения о фактах и явлениях, синхронных самому моменту наблюдения; с другой стороны, исследуя его, мы можем говорить о свойствах и качествах каждого данного объекта применительно ко времени его возникновения; в-третьих, в этом материале могут содержаться (и обычно содержатся) такие элементы, которые старше самого объекта и отражают давние, а подчас весьма древние реалии.

Возьмем для примера севернорусский крестьянский дом, скажем, построенный в начале 1930-х гг. Само собой понятно, что этот дом есть факт современной материальной культуры, и, поскольку таких домов еще и теперь много, он должен рассматриваться как один из элементов, в какой-то мере определяющих ее нынешний облик. Вместе с тем ни у кого не возникает сомнения в правомерности видеть в этом доме один из типов жилища, характерных для 1930-х гг. Кроме того, обычно не трудно бывает выяснить, что этот дом имеет немало таких черт и особенностей, которые были типичны для жилища данного района еще в дореволюционную эпоху (например, расположение жилых и части хозяйственных построек в едином строительном комплексе, трехраздельная планировка помещений и т. п.). Наконец, в этом доме не трудно отыскать такие конструктивные и иные особенности (например, срубный характер постройки, способы рубки и пр.), которые могут относиться ко временам седой архаики.

Подобные примеры практически бесчисленны. Они могут относиться как к области материальной, так и духовной культуры или народного быта. Мысль об устойчивости и преемственности народного быта находит также поддержку и со стороны социальной психологии¹². Не подлежит сомнению, что введенный в науку этнографами-эволюционистами так называемый метод пережитков имеет в основе действие закона

⁹ Э. А. Баллер, Проблема преемственности в развитии культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5, стр. 14.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. 3, стр. 44—45.

¹¹ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 318.

¹² Д. Б. Парыгин, Социальная психология как наука, Л., 1965, стр. 176.

традиции. Больше того, лишь действие этого закона, мы думаем, вообще позволяет проследить пути этнического развития и формирования культуры народов.

Вместе с тем, подчеркивая элементы традиции, наследования, преемственности в развитии народной культуры, мы оттеняем только одну из сторон закона. Его другая сторона, кстати сказать, этнографически гораздо хуже изученная, может быть описана с помощью терминов «новаторство», «модернизация», «обновление», «прогрессивное изменение». Сущность преемственности как необходимого условия развития культуры состоит... в неразрывном органическом единстве, с одной стороны, наследования, использования накопленных прежними поколениями культурных ценностей, т. е. традиции, а с другой — критического анализа и творческой переработки этих культурных ценностей, т. е. новаторства¹³. Развитие культуры не может питаться одними традициями, это грозило бы ему остановкой. Оно нуждается в отрицании, в вытеснении, в изживании устаревших традиций, старых форм культуры и в замене их другими, более отвечающими новым, современным условиям. Таким образом, диалектика развития народной культуры осуществляется как вечная борьба установившихся, унаследованных от прошлого и сохраненных элементов, что можно было бы назвать властью традиции, с тем новым, что нарождается в культуре, что составляет ее хронологически «верхний» слой и что можно было бы назвать властью обновления. В этом следует видеть другую важную сторону закона традиции и обновления культуры.

Сказанным, однако, проблема не исчерпывается. Дело в том, как понимается соотношение между традиционным и новым, каков его характер, идет ли речь лишь о количественном росте культуры или же признается также момент ее качественного развития. Ведь вопрос о традиции и обновлении в тех или иных формах обсуждается и в буржуазной этнографии и социологии, но там он часто решается метафизически: факт поступательного развития отрицается, понятие «развитие» подменяется понятием «изменение», а это последнее понимается лишь как плавное, непрерывное и чисто количественное. Так, известный французский буржуазный социолог Р. Арон, признавая, что человеческая история содержит в себе момент сбережения и накопления определенных результатов социальной деятельности для жизни последующих поколений, утверждает вместе с тем, что это такая деятельность, результаты которой имеют только количественный характер¹⁴. Крупный американский этнограф М. Херсковиц, говоря об изменениях в культуре, также сводит их к чисто количественному усложнению, что уже было подвергнуто критике в нашей литературе¹⁵.

Однако смысл постановки этого вопроса не сводится к теоретическому признанию качественных сдвигов в развитии культуры и критике суждений буржуазных ученых. Теоретически всякому марксисту ясно, что в своем прогрессивном развитии культура любого народа и во все времена не только растет количественно и, так сказать, увеличивается в объеме, но и испытывает перерывы постепенности, изменяется качественно. История культуры изобилует примерами, подтверждающими и иллюстрирующими это положение. Возникновение искусства в эпоху

¹³ Э. А. Баллер, Указ. раб., стр. 15.

¹⁴ См.: Р. Арон, *Dix-huit leçons sur la société industrielle*, Paris, 1962, стр. 77; С. Ф. Черненко, *Проблема общественного прогресса в социологии Раймона Арона*, Сб. «Современный капитализм и буржуазная социология», М., 1965, стр. 159—160.

¹⁵ Ю. П. Аверкиева, *Современные тенденции в развитии этнографии США*. В сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 18.

палеолита, рождение письменности и отпочкование литературы от фольклора в период перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, сложение центров ремесла и торговли — городов, явившихся новыми типами поселений в раннерабовладельческую эпоху и на заре феодализма, появление книгопечатания и современных средств передачи и хранения информации в новое время — все это и многое другое суть легко (при нынешнем уровне науки) выделяемые узловые моменты истории культуры, которые с полным правом могут быть определены как качественные изменения.

Основные трудности не в этом. Они встают тогда, когда мы ставим перед собой задачу проследить качественные перемены в развитии не отдельных, пусть даже важнейших, элементов культуры, а национальной культуры в целом. Буржуазные социологи и этнографы также ставят перед собой эти вопросы, но они их по большей части решают, оставаясь на почве исторического идеализма. Вот образец решения, предложенный Питиримом Сорокиным: «Я считаю, что в рамках одной и той же культуры созидательная сила появляется сперва в религии и в других сферах нематериальной культуры (государственная деятельность, литература) и лишь позднее эта сила получает развитие в науке, технике и еще позднее в бизнесе»¹⁶. Вряд ли надо подчеркивать, что такое решение неприемлемо для этнографа-марксиста; всякий этнограф-марксист увидит в нем не только попытку объяснить развитие культуры из самой культуры, преимущественно развитием ее духовной стороны, отвлекаясь от ее социальной природы, но и совершенно искаженную картину самого исторического процесса.

Советские этнографы ставят вопросы развития культуры, имея в качестве основы и исходного пункта своих рассуждений исторический материализм. При такой постановке вопроса недопустимо отвлекаться от классовой структуры общества, от факта воздействий классовых интересов на развитие культуры любого народа, любой этнической общности, разделенной на антагонистические классы. Как действует в этих условиях закон традиции и обновления культуры? Где пролегла эта качественная грань, по одну сторону которой лежит, скажем, культура русских, грузин, карел, чехов или болгар буржуазной эпохи, а по другую — их социалистическая культура? Нам думается, что обычно даваемый на эти вопросы ответ, что в общем и целом эта грань соответствует тем рубежам в истории самого общества, которые разделяют последовательно сменяющие друг друга социально-экономические формации, что ведущий класс нации наследует из прежней культуры то, что отвечает его интересам, — такой ответ — при всей его бесспорности — не может полностью удовлетворить исследователей, пытающихся проследить конкретные пути развития национальных культур.

И здесь прежде всего следует принять во внимание, что понятие «качественный скачок» вовсе не обязательно трактовать как мгновенную акцию: переход из одного качественного состояния в другое может быть более или менее длительным, может иметь протяженность во времени. Недаром В. И. Ленин вскоре после Октябрьской революции указал на необходимость культурной революции, которую он понимал как длительный и многоступенчатый процесс¹⁷. Следует далее принять в расчёт и то чрезвычайно важное обстоятельство, подчас упускаемое из виду

¹⁶ P. Sorokin, *Social Philosophies of an Age of Crisis*, Boston, 1951, стр. 313; критическую оценку этого взгляда см.: Ю. Н. Семенов, *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии*, М., 1965, стр. 99.

¹⁷ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 45, стр. 376—377.

нашими теоретиками, что классовые различия в культуре в разной мере, с разной степенью остроты проявляются в разных сферах культуры — в сфере духовной культуры и в сфере материальной¹⁸ В. И. Ленин, говоря о «двух культурах», конечно, в первую очередь имел в виду область духовной культуры, область идеологии.

Но и духовная культура народа, наиболее чуткая ко всем социальным, классовым движениям, наиболее прямо их отражающая, не меняется под их воздействием целиком, без остатка, подобно тому, как меняется в процессе революции политическая организация общества, а развивается вслед за ними, сохраняя в своем составе — в силу действия закона традиции — многое из того, что создано и накоплено в прошлом. Если бы это было не так, то невозможно было бы объяснить ни сохранение после Октября многих фольклорных жанров, ни бытование в советскую эпоху традиционной свадебной обрядности, ни живучести, — несмотря на систематическую и весьма острую идейную борьбу — религиозных верований и т. п.

Что же касается вопроса о материальной культуре, то и он очень не прост, и его анализ должен отличаться строгостью и корректностью. Приведем примеры. Так, можно и должно говорить о классовых различиях в одежде, скажем, восточнославянских народов в начале текущего столетия, но следует при этом учитывать, что комплексы одежды отдельных слоев крестьянства, пролетариата, буржуазии и дворянства рисуются нам как вполне различные лишь в том случае, если мы специально выделяем их как типы (чаще всего в музейных экспозициях), но что в реальном бытовании эти комплексы всегда отличались подвижностью, изменчивостью, множеством переходных форм¹⁹. Точно то же относится к народной пище и утвари. Так, далее, совершенно ясно, что деревня феодальной Руси является крестьянским поселением, усадьба XIX в. — помещичьим, а хутор XX столетия — кулацким, что окраины больших городов заселены рабочими, а их центры — буржуазией, однако классовая «чистота» этих разных по происхождению типов поселений очень относительна, а появление каждого последующего типа не отменяет существования предыдущих.

Наконец, и это больше всего касается развития народной культуры, в особенности материальной, в советскую социалистическую эпоху, качественные изменения в культуре, как показывает опыт этнографии, имеют не сплошной, не фронтальный характер, а скорее, принимают вид одновременных движений, неодинаковых по темпу и различных по интенсивности. Мы полагаем, что совершенно прав М. М. Розенталь, который, освещая вопрос о качественных изменениях социалистического общества, писал, что «развитие складывается из цепи «мелких скачков», которые изменяют старое качество не сразу, не целиком, а частями; возникновение каждого элемента нового качества и представляет собой такой «мелкий скачок», переход, подготовленный, разумеется, соответствующими количественными изменениями...»²⁰. Данные этнографии подтверждают эти мысли. Так, исчезновение у северных великорусов,

¹⁸ Весьма характерно, что в некоторых общих теоретических работах проблемам развития материальной культуры уделено непропорционально мало места (см., например, Г. Г. Карпов, Указ. раб.), в других (напр., в коллективной монографии «Коммунизм и культура») — эти вопросы вообще оставлены за пределами рассмотрения.

¹⁹ Мы сейчас оставляем в стороне важный вопрос о внешних заимствованиях (например, западноевропейских), быстрее и охотнее усваиваемых господствующими классами. Заметим лишь, что многие из них (хотя далеко не все) постепенно (в силу торжествующего действия традиции и недостаточных экономических возможностей) усваиваются и трудящимися классами.

²⁰ М. М. Розенталь, Ленин и диалектика, М., 1963, стр. 505.

карел, вепсов и других народов традиционного крестьянского комплекса одежды и замена его современными типами городского костюма совершились раньше, чем изменяются типы поселений или жилищ, а изменения в типе мужской одежды у тех же народов произошли раньше, чем в женской (могут быть, конечно, приведены и обратные примеры); утварь и внутреннее убранство жилища относятся, без сомнения, к числу наиболее подвижных элементов культуры, а мотивы орнамента или по-ребальный обряд отличаются известной консервативностью.

Из сказанного, таким образом, видно, что еще одна существенная черта закона традиции и обновления состоит в том, что развитие культуры включает в себя качественные сдвиги; они, однако, охватывают не сразу всю культуру того или иного народа, а более или менее растянуты во времени, реализуясь в серии «мелких скачков».

* * *

До сих пор речь шла об общем законе традиции (преемственности) и модернизации (обновления) культуры. Рассматривая вопрос в общем плане, определяя некоторые черты закона, мы по необходимости должны были отвлечься от его конкретных проявлений, в которых он только и может реализоваться, равно как и от некоторых терминологических тонкостей, связанных с употреблением слова «традиция». Покуда обсуждался общий закон, слово «традиция» употреблялось нами в его первоначальном значении (от лат. *traditio* — передача, предание), очень близком, хотя и не вполне тождественном, русскому «преемственность». Но стоит только приняться за обсуждение конкретных проявлений закона, как этот второстепенный терминологический вопрос выдвигается на первый план в качестве важного и животрепещущего.

И действительно: слово «традиция» (или чаще во множественном числе «традиции») прочно вошло в наш литературный, политический, научный и бытовой лексикон. Оно — неприметно для нас — употребляется в разных смыслах, в различных значениях, оформляя неодинаковые понятия. Один смысл тот, о котором сказано выше, близкий к понятию преемственности, наследования. Другой — тоже родственный, но все же отличный, более узкий, чем «преемственность», сближающийся с понятиями «обычай», «социальная привычка». Как много разных оттенков приобретает слово «традиция», видно уже из краткого перечня сочетаний, в которых оно встречается в литературе и живой речи. Это и общественные, революционные, боевые, трудовые, национальные традиции; это и культурные, литературные, идейные, архитектурные, фольклорные, религиозные традиции; это и бытовые, семейные, обрядовые и прочие традиции. Мы в праве говорить о положительных традициях (традиции коллективизма и т. п.), об отрицательных традициях, которые нередко называют пережитками (традиция употребления алкоголя во всех важных и торжественных случаях жизни), а также о таких традициях, о которых можно сказать, что они не приносят видимой пользы, но и вреда от них нет. Итак, слово «традиция» неоднозначно, и его употребление должно сопровождаться оговоркой, уточняющей вкладываемой в него смысл.

Вопрос о традициях как частных проявлениях общего закона преемственности и обновления (в том числе в аспекте рассмотрения определенных закономерностей в развитии культуры) для этнографии также очень важен и интересен. Мы, этнографы, чаще всего ограничиваемся конкретным изучением тех или иных народных, культурно-бытовых традиций, их возникновения, роста, угасания и возрождения, но, к сожалению, недостаточно размышляем об их общих и отличительных чертах.

Автору во всяком случае не приходилось встречать в этнографической литературе работ, специально обсуждающих понятие «традиция», в которых делалась бы попытка дать его определение и соответствующее истолкование.

Между тем в смежных с этнографией науках — в дескриптивной этике, социологии, социальной психологии — за последнее время по этим проблемам высказано несколько новых мыслей, которые, полагаем, должны найти живой отклик со стороны этнографов. Специалисты подходят к проблеме традиций с разных точек зрения, оттеняя те или иные стороны этого явления и понятия. Социологи и ученые, работающие в области социальной психологии, говоря о традициях, видят в них в первую очередь специфические формы коллективного сознания²¹. Вместе с тем традиции рассматриваются в этике как формы общественной дисциплины²². Далее, в социальной психологии традицию трактуют как проявление доминирующего общественного мнения прошлого²³. Кроме того, традиции — особенно в генетическом плане — называют социальными привычками и, наконец, видят в них исторически сложившиеся, устойчивые и наиболее обобщенные нормы и принципы общественных отношений людей, передаваемые из поколения в поколение и охраняемые силой общественного мнения²⁴.

Все эти определения в одинаковой степени возможны и приемлемы. Но с точки зрения этнографии принципиально важно подчеркнуть момент устойчивости всяких, в особенности культурно-бытовых традиций, их преемственность и инерцию в системе объективных общественных отношений. Этнографы чаще и ближе, чем кто-либо другой, в полевой практике сталкиваются с подобными фактами и наблюдают их. Примеров тому сколько угодно. Укажем лишь на один, относящийся к области производственного быта карельских лесорубов.

В 1920-е гг. лесорубы работали по преимуществу топором и двуручной поперечной пилой. Попытка на рубеже 1920-х и 1930-х гг. внедрить более производительные инструменты (лучковые пилы) натолкнулась на столь ощутимую силу привычки, традиции, что потребовалось несколько лет для того, чтобы их преодолеть. В послевоенные годы — в конце 1940-х и середине 1950-х гг. эта же история дважды повторилась в связи с внедрением электрических и бензомоторных пил.

Устойчивость культурных традиций иной раз оказывается необычайно прочной, настолько прочной, что, казалось бы, уже подточенные временем и дискредитированные в глазах общественного мнения институты по прошествии некоторого периода «вдруг» становятся способными к регенерации и полнокровному функционированию. Великорусский свадебный обряд в 1920-е и начале 1930-х гг. во многих областях Европейской части СССР (как в русских районах, так и в местностях, населенных другими народами, воспринявшими этот обряд, например, карелами, вепсами, коми и другими) был вытеснен из живого быта весьма упрощенными «советскими» формами заключения брака. Традиционный обряд воспринимался — даже в крестьянской среде — как несовременный, архаичный, символизирующий серость прежнего деревенского быта. И вот в послевоенные годы, особенно с начала 1950-х гг., этот обряд, в заметно моди-

²¹ И. С. Кон, Позитивизм в социологии, Л., 1964, стр. 54—55; Б. Д. Парыгин, Указ. раб., стр. 9, 68.

²² «Краткий словарь по этике (под редакцией О. Г. Дробницкого и И. С. Кона)», М., 1965, стр. 88—89, 92, 283 и др.

²³ А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, М., 1963, стр. 55—56.

²⁴ Н. С. Сарсенбаев, Обычаи и традиции в развитии, Алма-Ата, 1965, стр. 70—71, 89.

фицированном виде, был снова зафиксирован в ряде областей как возродившаяся традиция²⁵.

Традиции, следовательно, способны в некоторых случаях возрождаться. Но они могут и ослабевать, угасать, умирать, исчезать. Любой этнограф в состоянии привести достаточно длинный список традиций, еще недавно живых, а теперь уже угасших и сохранных лишь в воспоминаниях информаторов. И далеко не все, помеченное в этом списке, будет относиться к числу отрицательных традиций (пережитков); найдутся среди них и такие, об исчезновении которых можно только пожалеть.

Но вопрос теперь в другом: чем обусловлена судьба традиций, где искать детерминанты их стабильности или, наоборот, шаткости? Разумеется, не в самих традициях, а в конечном счете в тех социально-экономических условиях, в рамках которых традиции возникли или продолжают жить, в тех социальных институтах, которые поддерживаются или отрицаются традициями, с учетом социально-психологического фактора.

Итак, закон традиции и обновления культуры объясняет нам общий смысл и общие тенденции ее развития. Но в рамках этого закона действуют, живут и функционируют многочисленные и разнообразные культурные и иные традиции. Подчиняясь общему правилу, они все же для своего объяснения требуют всякий раз конкретного анализа социальной ситуации, их породившей и их окружающей.

* * *

Проблема качественных изменений в связи с анализом действия закона традиции и обновления культуры для своего решения требует, как видим, совместных усилий специалистов разных наук, в том числе социологов и этнографов. Ясно, что и в других случаях, даже в тех, когда речь — по внешней видимости — идет как будто бы о чисто этнографических явлениях, содружество с социологией может оказать важное содействие. Надо лишь таким образом формулировать задачу, чтобы был достаточно отчетливо виден ее социологический аспект.

Здесь имеется в виду прежде всего явление культурной непрерывности, факт сам по себе непреложный, известный всякому этнографу и не вызывающий сомнений, но еще как следует не описанный и не осмысленный. Действительно, закон традиции и обновления культуры предусматривает объяснение развития культуры, так сказать, по вертикали. Но этого недостаточно: чтобы понять историю народной культуры во всей полноте, мы должны иметь возможность представить себе ее движение и развертывание в пространстве, на территории, рассматривать ее «срезы» на разных (в идеале — на любом) исторических этапах. Такая постановка вопроса побуждает еще раз²⁶ обратить внимание на то обстоятельство, что в процессе передвижения (реального или даже мысленного) по территории с более или менее стабильным населением не трудно, «делая пробы», обнаружить постепенное накапливание отличий в культуре, почти неприметных для рядом или поблизости расположенных пунктов, но становящихся хорошо видимыми при сопоставлении относительно удаленных друг от друга.

Поясняя эту мысль, приведем примеры из наиболее близкой автору области — из этнографии карелов, вепсов и смежно живущих северных

²⁵ См., напр., Л. А. Анохина, М. К. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 227.

²⁶ Эта мысль уже была нами высказана в другой работе. См. В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн, Русские исследователи Карелии (XVIII в.), Петрозаводск, 1958, стр. 153.

великорусов. Так, при изучении местных (зональных) особенностей распределения исторически сложившихся типов и форм поселений, а также типов заселения и расселения в пределах Карелии можно заметить, что границы между этими зонами очень условны, расплывчаты и подчас неразличимы. Так, в мотивах орнаментации жилых построек восточных (иначе белозерских) вепсов мы обнаруживаем преобладание геометрических форм; оятские вепсы и русские Посвирья добавляют к ним элементы деревенского барокко, а у северных (прионежских) вепсов и русского населения Заонежского полуострова ощутимо доминируют роскошные барочные формы, геометрические же элементы имеют явно подчиненное значение. Так, карелы и вепсы подобно северным великорусам обычно устраивали боковой бревенчатый въезд на поветь, но если, скажем, у паданских карел мы отмечаем этот тип въезда как единственный, то у олонецких ливвиков к нему добавляется любопытный местный вариант — въезд спереди, у людиков Лояницы встречается также въезд, примыкающий к усеченному переднему углу двора, а у вепсов верховьев Ояти — въезд, пристроенный к заднему фасаду двора. Примеры подобного рода неисчислимы: каждый этнограф без труда сможет припомнить аналогичные факты из собственной области исследований.

Однако пока мы, как в приведенных примерах, ограничиваемся рассмотрением отдельных элементов культуры, мы лишь в очень неполной мере приближаемся к тому пониманию явления культурной непрерывности, которого нам хотелось бы теперь коснуться. Сложность начинается с того момента, когда мы пытаемся сравнивать между собой не отдельные элементы культуры, границы которых этнографы в общем уже научились проследить (доказательством чего служит любой добросовестно составленный этнографический атлас), а начинаем сопоставлять большие и взаимосвязанные культурные комплексы (в пределе — все элементы и черты местной культуры), наблюдаемые в обследуемых объектах, расположенных в ближнем или более отдаленном соседстве по линии нашего реального или воображаемого маршрута. Только в этом случае нам откроется во всем богатстве и многообразии картина действительного развертывания культуры в пространстве с ее тончайшими переливами, едва заметными переходами и многосложными отношениями.

Но, разумеется, явление культурной непрерывности не следует понимать в слишком буквальном, абсолютном смысле. Его обнаружение и констатация непременно должны по возможности сопровождаться тщательным выявлением и анализом фактов прерывности, «возмущений» и, так сказать, «культурных скачков», которые, как показывает опыт, часто приурочиваются к социально-экономическим, политическим, расовым и религиозным границам, труднопреодолимым географическим рубежам, а также могут быть вызваны и массовыми миграциями населения. Конечно, социально отставшие народы догоняют более развитые, политические границы изменяются, расовые и религиозные предрассудки постепенно рассеиваются, географические препятствия (например, горы) преодолеваются, массовые миграции прекращаются — и общая тенденция в пространственном развертывании культуры снова приобретает свой обычный вид — как тенденция к установлению культурной непрерывности.

И все же культурная непрерывность не может быть названа всеобщей закономерностью глобального значения в том смысле, что она, по-видимому, прослеживается не на всяком произвольно избранном маршруте. иначе говоря, не в любом направлении и не на любом расстоянии, а выступает именно как тенденция. Речь идет, таким образом, о масштабах таких этнокультурных ареалов, в пределах которых культурная непре-

рывность является не только тенденцией, но и достаточно ясно видимой реальностью. В качестве таких ареалов естественнее всего назвать выделенные советскими этнографами историко-этнографические области²⁷, в процессе сложения которых, думается, необходимо принять в расчет и фактор культурной непрерывности.

С точки зрения концепции культурной непрерывности уже не могут считаться достаточными обычно даваемые объяснения сходств и близости культур тех или иных народов или этнографических групп путем указания на имеющие или имевшие место в истории этих народов контакты, путем выделения районов контактов, так как теперь любой регион, а не только этнографические порубежья, должен рассматриваться как контактный. Отсюда следует, что должны быть изучены «механизмы», создающие культурную непрерывность, а это уже такая проблема, для решения которой следует объединить силы этнографов и социологов. Изучая свой материал, этнограф в состоянии отметить факт культурной непрерывности, но для объяснения этого факта недостаточно сведений об одной лишь культуре, здесь вступают в действие определяющие социальные факторы — уровень развития производительных сил, характер производственных отношений, соответствующие им формы социальной организации, средства массовой коммуникации и т. п., без учета которых ошибки неизбежны. Доказательство тому — работы представителей различных направлений диффузионизма, рассматривавших культуру как самодвижущуюся сущность, либо видевших причины всех изменений в одних лишь миграциях.

Следовательно, при обсуждении вопроса о «механизмах» складывания культурной непрерывности первая задача — установить характер общественно-экономических отношений, специфику исторического этапа или этапов, в рамках которых проблема исследуется (та или иная ступень первобытно-общинного строя, рабовладельческой, феодальной, капиталистической или социалистической формации). Но этого мало. Вторая задача — выявление и изучение тех социальных образований, институтов, групп, которые являются носителями местных вариантов культуры и взаимоотношения которых между собой составляют социальную основу культурной непрерывности. Отношения между общинами, артелями, патронимиями, семьями, производственными бригадами и иными коллективами²⁸, а также внутри них, их сложные перекрестные связи имеют, по-видимому, для решения данной задачи неодинаковое значение и несут различную нагрузку. Выяснить основные и второстепенные каналы передачи и усвоения элементов культуры, роль в этом каждого социального организма — общая проблема этнографов, социологов и, надо полагать, специалистов в области социальной психологии.

* * *

Мы, понятно, не считаем, будто сказанным выше исчерпывается обширная тема о закономерностях развития народной культуры. Можно было бы поставить на обсуждение еще одну группу интересных и актуальных вопросов: о том, что в ряде случаев (и в каких именно случаях) традиции выступают в материализованном или опредмеченном виде: о законе преемственности и обновления культуры в свете понятия «информация»; о проблеме строения или структуры культуры и принци-

²⁷ М. Г. Левиц, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

²⁸ Некоторые стороны этих отношений могут быть описаны и объяснены в терминах социальной психологии. См. Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 166—167.

пиальной сравнимости культур и т. д. Эти вопросы также требуют размышлений, углубленной разработки с последующей дискуссией. Но и теперь уже допустимо, основываясь на известных данных, несколько уточнить наши представления о культурном прогрессе.

Первое, что можно вывести в качестве итога из изложенных фактов и соображений, — это мысль о необходимости теснее связывать в единую проблему вопросы исторического развития и территориального развертывания народной культуры так, как они связаны в действительности. Некоторые стороны исторического развития культуры могут быть описаны и объяснены как результат действия закона традиции и обновления, существенные черты которого (в очень, конечно, приближенном виде) формулированы выше. Пространственное развертывание культуры выявляется как тенденция к культурной непрерывности. Можно и нужно рассматривать как отдельные культурные элементы, так и культуры целых народов в обоих аспектах, выявляя определенный порядок в их развитии, объясняя их с точки зрения указанных закономерностей.

Во-вторых, преемственность и обновление культуры, а также культурная непрерывность выступают как объективные закономерности (и мы надеемся, будут признаны в качестве таковых). Они выводятся из фактов развития культуры и в известных пределах объясняют эти факты. Но сами эти закономерности также нуждаются в объяснении, и такое объяснение неизбежно должно исходить из учета социальных процессов. Культура не может быть объяснена полностью и только из самой себя. «Кроме истории (в широком смысле), — писал Г. В. Плеханов, — есть еще социология, которая занимается «общим»... История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии»²⁹.

Наконец, если известны объективные законы развития народной культуры, то, следовательно, имеется возможность, опираясь на их знание, воздействовать, влиять на ход этого развития, руководить процессом. Однако руководство процессом должно быть основано на использовании законов, а не на волюнтаристском попрании их. В ходе так называемой «великой культурной революции», представляющей собой маскировку чуждой марксизму-ленинизму политики группы Мао Цзе-дуна, нынешнее китайское руководство, призывающее «вымести четыре старых» (старую культуру, старые нравы, старые обычаи и старые привычки), совершает (не говоря уже о политической стороне дела) прямое нарушение основных требований закона преемственности развития культуры, ибо нельзя «выпрыгнуть» из традиций, и обновление культуры не есть ее голое разрушение. Не все в старой культуре лишено ценности или вредно, как не все новые явления культуры заслуживают закрепления в традиции.

SUMMARY

The development of the folk culture is to be viewed in two dimensions, both historical and territorial. Some aspects of its historical development can be defined and explained from the point of view of general regularities in tradition (succession) and modernization (innovation) of culture. Essential traits of these regularities now can be already formulated. A territorial expansion of a culture acts as a tendency towards a cultural continuity. Both historical and territorial regularities, explaining to a certain degree the development of culture, can themselves be explained in more general laws of sociology. To realize the degree of stability of a given tradition the data of social psychology are to be taken into consideration.

²⁹ Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения. Т. III, М., 1957, стр. 515.